

Валентина Иванова

ЧУДО
РУКОТВОРНОЕ
о народных мастерах чувашии

Чебоксары
2006

УДК 745/749

ББК 85.12

И 21

Автор

ИВАНОВА ВАЛЕНТИНА АНДРЕЕВНА

Заслуженный работник культуры России и Чувашии

Печатается в авторской редакции

Фото — из архивов Чувашского государственного художественного музея,
Торгово-промышленной палаты ЧР, Минэкономразвития Чувашии

Составитель — О. Н. Ильина

Дизайн — В. Н. Игнатьева

Технический редактор — Э. В. Исаева

Компьютерная верстка — Н. П. Григорьева

Книга заслуженного работника культуры России и Чувашии Валентины Ивановой «ЧУДО РУКОТВОРНОЕ» посвящена народным мастерам республики. Это — своеобразная летопись народных промыслов чувашского края от истоков до наших дней. В увлекательной форме с экскурсом в национальный фольклор, известная в республике журналистка рассказывает об умельцах-энтузиастах возрождения промыслов и их коллективном вкладе в сокровищницу народного искусства, об эстафете поколений. Книга богато иллюстрирована. Думается, ее с интересом прочтут все, кто с трепетом и любовью относится к культуре и традициям чувашского народа.

Сдано в набор 20.11.06. Подписано в печать 20.12.06. Бумага офсетная. Формат 70x90/16.

Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 5,02. Тираж 200 экз. Заказ № К-6650.

ГУП «ИПК «Чувашия».

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковleva, 13.

ISBN 5–86765–355–2

© Минэкономразвития Чувашии, 2006

© ГУП «ИПК «Чувашия», оформление, 2006

1. ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Чувашский фольклор сохранил в людской памяти красивую, поэтическую легенду. Рассказывают, будто много-много лет назад, на шумной деревенской свадьбе в разгар веселья кто-то вдруг публично бросил упрек в адрес невесты: «Плохая из нее будет жена: она вышивать не умеет!»

Алым маком запылали щеки юной крестьянки, молнией сверкнули глаза: огромную обиду нанесли невесте. Как теперь оправдать себя в глазах односельчан, чем доказать свою искусность? И тут ее взгляд упал на разукрашенную свадебную тройку, что вот-вот готова была увезти ее из-под родительского кровла в дом жениха. Гривастые кони нетерпеливо били копытами, оставляя на снегу глубокие ровные следы. «Принесите мне холст и нитки!» — потребовала девушка.

И побежали наперегонки по белому полу холста ломкие зигзагообразные линии, как две капли воды похожие на следы лошадиных подков. Иголка с ниткой так и мелькала в проворных руках вышивальщицы. Легко, весело, будто сами собой рождались чудесные узоры, — одинаковые с обеих сторон, «без изнанки». Но кто из подружек невесты ни пытался повторить их, ни у кого ничего не получалось, — «секреты» узоров были незнакомы даже самым искусственным мастерницам. «Это какой-то непонятный, дурацкий шов», — обиженно оправдывались подруги девушки. «Ну и хитрый, мудреный шов!» — восхищенно качали головами гости. Вот так, гласит легенда, и родился когда-то новый одноименный шов, один из самых сложных и красивых в чувашской национальной вышивке.

В глубину седых веков уходят ее истоки, — это одна из самых древних жемчужин многогранного чувашского народного искусства. Недаром ведь чуваши называют свою родину не только краем ста тысяч слов, ста тысяч песен, но и ста тысяч вышивок: из поколения в поколение передавались секреты рукотворных вышитых орнаментов. Словно у самой природы взяли они гармонию композиций, у Волги подсмотрели плавность линий, у спелого колоса и резного дубового листа позаимствовали четкость контуров, а у солнца — яркость и сочность красок. Глаз не отвести от струящихся, волшебной красоты

узоров, подобных застывшей музыке, — в них так полно и мажорно отразилась сама душа народная.

Чувашская национальная вышивка... Ощущение праздничности в сердце она оставляет вовсе не мудреными рисунками, не хитросплетениями швов, не пестрым многоцветьем ниток. Ее своеобразие и неповторимость — в филигранной строгости линий и симметрии, предельной точности орнамента, в бесконечном варьировании красного и черного цветов, оживляемых голубыми, зелеными, желтыми крапинками-звездочками. Одни из этих цветов в древней чувашской вышивке обозначали пахотную землю, другие — небосвод, они как бы символизировали собой и прошлое, и настоящее, и будущее. И когда любуешься самыми старинными из дошедших до наших дней национальных вышивок, с трудом верится, что создавали их вовсе не увенчанные славой и признанием чудо-мастера, а самые обыкновенные неграмотные крестьянки из обычных чувашских селений, — которые просто хотели украсить свой быт, собственный праздничный наряд и одежду членов своей семьи.

Вышивка была в чувашском kraю не только древнейшим, но и одним из самых массовых видов народного творчества, которым виртуозно владела здесь буквально каждая женщина. И если какая-то девушка почему-то вдруг не умела вышивать, то она сильно проигрывала в глазах подруг, парней, всех односельчан. Уже с малых лет в каждой крестьянской семье девочки (их начинали учить рукоделию с пяти лет) перенимали у матерей, бабушек и старших сестер умение наносить на белый холст вначале простейшие, а потом все более сложные узоры, становясь с годами настоящими виртуозами в этом нелегком, требующем колоссального старания, терпения и аккуратности, ремесле. Которое давалось каждой вышивальщице весьма и весьма нелегко: ведь надо было в совершенстве познать «секреты» всех до единого более чем 30 «эталонных» швов чувашской вышивки.

А какие выразительные, говорящие сами за себя названия дал когда-то народ этим швам у их истоков: «воробынья лапка», «глаза цыпленка», «гусиный клов», «хвост ласточки», «бараний рог», «бабочка», «кувшин», «верхушка ели»... Какими яркими, с богатейшей гаммой цветов и множеством оттенков, были краски, которыми пользовались вышивальщицы. Тут уж им на подмогу приходили стародавние народные секреты крашения самодельных пряжи и холста природными красителями. Так, ярко-красный цвет давала (с добавлением для крепости золы) марена, зеленый — ягоды крушины, листья чертополоха, ветлы, коричневый — луковая шелуха или еловые шишки, а сочный темно-коричневый цвет с бордовым оттенком достигался с помощью

ягод черной смородины, вишни и малины, салатный цвет получали из чистотела, желтый — из полыни, корней дуба или конского щавеля. И тут уж можно было быть уверенными: такие краски будут вечными — они не выгорали на солнце, не линяли при стирке. На старинных вышивках, дошедших до наших дней, узоры — как живые и сейчас, много веков спустя.

Кстати, все сказанное о вышивке, ее узорах, названиях швов и расцветке, ее традиционных орнаментах, в полной мере можно отнести и к другому древнему «женскому» ремеслу, — чувашскому национальному художественному ткачеству. На самодельных ткацких станках, имевшихся в каждом крестьянском доме, изготавливались казавшиеся вышитыми широкие рисунчатые пояса, украшенные сложнейшим орнаментом и нарядными кистями на концах, разноцветная тесьма, широко применявшаяся для отделки и украшения парадной крестьянской одежды. Самоткаными были и многообразная по рисунку яркая «пестрядь», из которой шили женские рубахи, нарядные покрывала для постели, цветастые дорожки для пола.

Все свое умение и душу вкладывали в вышивку безымянные мастерицы, каждая по-своему выражала в ней свое понимание красоты, — потому-то таким праздником для глаз становились эти узоры. До сих пор, например, живет в народе сказание о прекрасной девушке, искусной мастерице Эльпиге: ее вышивки приносили людям особую радость, делали их добре, а их жизнь — светлее. Сказка эта в свое время легла в основу написанной для республиканского Театра юных зрителей в Чебоксарах пьесы известной чувашской писательницы Марии Ухсай. По ее же либретто композитор Виктор Ходяшев написал музыку для одного из первых национальных балетов «Чудесная вышивальщица», который долгое время с неизменным успехом шел на сцене Чувашского музыкального театра.

Есть какое-то особое волшебство и не разгаданное пока еще таинство в неподвластных времени национальных чувашских вышивках. И вот что особенно удивительно: хотя в старину безымянные вышивальщицы из народа вовсе не знали грамоты, но их творения до сих пор — бездонный кладезь для размышлений и научного поиска ученых. По данным и этнографов, и языковедов эти бесценные народные памятники культуры содержат в себе обилие сведений об историческом пути предков и их мировоззрении, природе, мифологии, религии, о тесных узах, связывавших их с культурой других, самых разных стран и народностей во всех уголках планеты.

Очень много интересного могут поведать древние вышивки пытливому исследователю. Ученые обнаружили, например, в старинных чувашских узо-

рах, родившихся в незапамятные времена, три десятка мелких знаков, очень похожих на буквы рунического письма, которым пользовались когда-то многие племена Северного Кавказа. Позже систему этого письма предки чувашей — сувазы — принесли с собой и в Среднее Поволжье. Правда, здесь, в Волжской Булгарии, в ту пору с принятием мусульманства признавалось лишь арабское письмо, и невостребованная руническая письменность постепенно угасала, в том числе, и ко времени завершения исторического процесса формирования чувашской народности. Зато вышитые узоры донесли до наших дней знаки-«буквы» рунической письменности, благодаря чему память о ней сохранилась и в сознании народа, и в его устном поэтическом творчестве. Вот, например, какую старинную народную песню записал в начале прошлого столетия российский ученый-турколог с мировым именем, составитель уникального 17-томного «Словаря чувашского языка» Николай Ашмарин:

Надела я платье из белого холста,
На рукавах, подоле — письмена.
Прочитала, что на рукавах:
Надо идти вечером.
Прочитала написанное на подоле:
Вернуться надо утром.

В других чувашских народных песнях вышитые орнаменты сравниваются с ярким солнцем, белоликой луной, мерцающими звездами, семицветной радугой, с прекрасными девушками («В нашем хороводе — семьдесят девушки, и все семьдесят — красавицы. Как узоры в вышивке наши милые подружки»). Поется в них и о том, что в вышивках можно прочесть имена людей, живших в ту далекую эпоху, а также высказывания предков о жизни и явлениях природы. С искусственной вышивкой сравнивался в фольклоре и национальный женский танец, которому были присущи особая мягкость, плавность и грациозность движений: в народе говорили, что мелкие, будто ажурные девичьи шажки в танце подобны вышитому орнаменту. По подсчету этнографов и фольклористов, почти половина всех известных старинных чувашских загадок связана с женскими занятиями по дому, и очень многие из них посвящены прядению, ткачеству, вышивке. Бережно пронесла чувашская женщина удивительное богатство национальной вышивки через долгие столетия, через темень и дым курной избы. Просто диву даешься, какие это были талантливые, самобытные мастерицы поистине с золотыми руками и поэтической душой.

Таким же виртуозом древнейших народных промыслов в своем, чисто «мужском» ремесле, был в старину и любой чувашский крестьянин: буквально в каждом сельском подворье от отца к сыну передавались навыки «плетения деревянных кружев» наличников домов и семейные секреты искусной резьбы по дереву. А украшались здесь исстари резными орнаментами практически все предметы домашнего обихода: солонки и хлебницы, настенные полки для посуды, долбленые кадушечки и легкие, практичные ведерки для продуктов, специальные удлиненные сосуды-пахталки для сбивания масла, всевозможные корытца, веретена и донца прялок, разделочные доски, ковши и черпаки, ножки столов и лавок, коромысла и веретена, — даже кухонные трудяги-ухваты для чугунов непременно «обзаводились» нарядными резными ручками.

В лесном чувашском kraю дерево было главным исходным материалом и для строительства дома, и для нехитрой мебели, и для кухонной утвари, и для самодельной люльки младенцу. А вот будущий комдив гражданской войны Василий Иванович Чапаев, шестой в семье ребенок, родившийся в Чувашии в приволжской деревушке, давно уже вошедшей в городскую черту Чебоксар, не сразу занял «по наследству» после старших детей такую подвесную зыбку. Как гласит семейная легенда рода Чапаевых, будущий легендарный полководец, кавалер Георгиевских крестов, появился на свет недоношенным. И был поначалу таким крохотным и слабеньким, что в новой избе, построенной отцом-плотником, родители согревали его в остывающей печке в специально сшитой матерью и вышитой нарядной рукавичке. А купали — в деревянной кружке, которую смастерили для сынишки и украсили резьбой искусные отцовские руки.

Нехитрым был в старину мужицкий инструмент: топор, ножи, долота разных форм и размеров, всевозможные резаки и шила, да и производилась вся работа вручную. Зато техника резьбы у деревенских мастеров была на редкость разнообразной и, поистине, ювелирной. Когда-то в каждой сельской избе круглый год пахло свежей древесной стружкой, и мастеров-умельцев постоянно ждала дома новая, незавершенная пока работа.

Особенно много терпения, усидчивости и опыта требовало изготовление резных ковшей, выполненных по старинным национальным канонам. И хотя не подписывали резчики свои работы, — не было такого обычая у народных умельцев, — но руку большого мастера всегда можно отличить по особой одухотворенности и динамизму его рукотворных творений, у каждого был свой «почерк». А богатейший орнаментальный наряд ковшей уходит своими кор-

нями в фольклор, в узоры национальной вышивки и ткачества, — будто слилось в этих орнаментах воедино что-то самое важное, что прежде было разбросано по крупицам по всему народному искусству: здесь оживает сам характер чувашского народа.

Приступая к работе над ковшами-братинами, резчик сначала досконально изучал особенности разных пород местных деревьев. И, бывало, целая шеренга «пробных» ковшей выстроится на полке у начинающего мастера — из березы, черемухи, рябины, яблони, ольхи, липы, осины, дуба, ветлы, клена, ели, сосны, тополя, — прежде чем он найдет, наконец, «свое», податливое и послушное его воле, во всем подчиняющееся его творческому замыслу дерево. Только тогда каждая его золотистая прожилка оживет, засветится под руками умельца, порадует своей скрытой прелестью. И резной деревянный ковш заживет своей самостоятельной жизнью, будет согревать душу каждого, кто взглянет на него.

А потом начинались новые поиски — формы, размера, орнамента ковшей, — а таковых в многовековой «кладовой» лучших образцов старинных народных промыслов — превеликое множество. В Чувашии, как и по всей Руси, традиционные формы ковша-ладьи, ковша-птицы, ковшей с конскими головами пришли из глубочайшей древности, когда человек наивно обожествлял буквально всю окружающую его природу. Ведь плавущие птицы и кони олицетворяли солнце — главное божество, дающее всему жизнь, а ладьи звали в неведомые дали, к счастью.

Самому нарядному ковшу предстояло стать гостевым, — своего рода «визитной карточкой» хозяина дома, радушия и гостеприимства его семьи. Именно такие праздничные ковши-братины с национальным пивом из знаменитого чувашского хмеля ходили по кругу, когда за столом собирались самые дорогие сердцу люди и дружно запевали старинную застольную песнь:

О чём зеленая дубравушка шумит?³
 О том, чтоб ветви
 нарастали каждый год.
 О чём семья хлопочет,
 как река бурлит?⁴
 О том, чтоб дружба
 сохранялась на весь род.

Братину-ковш, украшенный резьбой, пускали по кругу и в особо почитаемые в народе праздники: когда всем селом выходили на весенний сев или праз-

---

дник первого снопа, на праздник труда «акатуй», на «ниме» (взаимопомощь односельчанину в возведении нового дома) или другое подобное коллективное действие. И величественно-торжественно звучала тогда древняя как сама чувашская земля гостевая застольная песня «Алран кайми» — настоящий гимн труду земледельца:

Незабываемые родные и друзья,
Дорогие соседи и односельчане!
Будемте пить и угощаться,
Будемте жить в дружбе и согласии
До самой смерти.

Как и во всякой другой российской лесной стороне, дерево в Чувашии всегда служило самым распространенным, самым «освоенным» и любимым материалом для местных жителей, а значит, и для народных умельцев. Фактически, каждый крестьянин был мастером всевозможных ремесел, связанных с деревом, которые он знал не хуже исконного здесь хлебопашства. А сочный перестук топоров и веселый «голос» пилы испокон веков наполнял сам воздух здешних деревень так же органично, как вековечный шум бескрайних приволжских лесов и пение птиц. Так что своими плотниками и столярами-виртуозами, самобытными резчиками по дереву, искусными мастерами плетения из лозы и лыка, знатоками секретов ажурных берестяных орнаментов и изготовления практической посуды из коры деревьев всегда могло похвалиться любое селение.

Впрочем, на равных соперничали здесь с резчиками по дереву и другими «деревянных дел мастерами» и виртуозы остальных знаменитых народных промыслов. И, прежде всего, гончары. Каких только нужных по жизни вещей издревле не делали из местной глины! Человек вложил в них столько сил, умения, своего разума и сердца, что они живут рядом с ним и верно служат уже многие тысячелетия, — об этом наглядно говорят археологические раскопки, керамические черепки от посуды прошлых веков, хранящиеся в краеведческих музеях любого района Чувашии.

Особенно часто крошечные крестьянские гончарни, расположенные в небольших дощатых избушках, дымили по берегам многочисленных рек и речушек, где на их изломе обычно бывали самые богатые пласти глины. Тут и пополняли гончары запасы сырья для своих будущих кринок, мисок, горшков да кувшинов, — простых по форме, но основательных, прочных, практических.

Нужную форму старинной крестьянской керамике деревенские гончары придавали на самодельном гончарном круге, ручном или ножном, при этом нередко специальным деревянным ножом наносили также на ее поверхность всевозможные национальные узоры и орнаменты. Потом обсушивали на полках «новорожденную» посуду, пока она не начинала при легком постукивании издавать чистый звон, — и прымком ее в печь, на обжиг. Тут тоже были свои, особые тонкости: чтобы ровней, постепенно поступал жар, печь поначалутопилась сырьими дровами, ну, а уж потом, при высокой температуре, изделия из глины «поспевали», основательно сушились здесь двое суток. На этом важнейшем конечном этапе на керамику «наводили красоту»: в какие-то лишь ему ведомые моменты гончар бросал в раскаленный горн пригоршню соли. Ее пары, оседая на стенках посуды, придавали ей нарядный блеск, превращались в глазурь. Какая-то особая одухотворенность свойственна этим традиционным в народе поделкам из глины.

Сызмальства, словно к хлебу, тянулась к древней как мир глине, такой живой и податливой, послушной рукам, и детвора: фигурки разные пытались лепить, зверей всяких. И шел этот интерес к собственному «творчеству», прежде всего, от забавных глиняных свистулек, которые родители между делом мастерили для малышей в домашних гончарнях. Но особенно богатый выбор чувашских свистулек-шахлинчей был всегда на сельских ярмарках, — ни в одном нынешнем музее не увидишь столько, сколько сразу выставляли их в пестром, звонкоголосом ярмарочном ряду! И уж, поистине, на все голоса были эти симпатичные зверюшки-свистульки, у каждой — своя неповторимая мелодия. Задиристо и озорно распевал петух, выводил заливистые трели соловей, глухо ухал филин, уютно крякала уточка, без устали тянула свое бесконечное «ку-ку» кукушка, жалобно блеял барашек, лихо «перекликались» гусь с жеребенком...

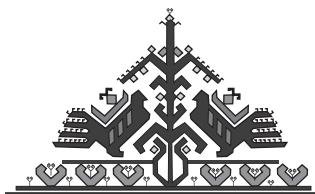
И в какой-то момент не только детям, но и взрослым начинало казаться, что эти грустный барашек и конь-огонь, нахолившаяся птица и явно смеющийся щенок, — симпатичные не передаваемо! — вовсе и не из глины, а живые, они явно чувствуют общий интерес к себе, затаенно дышат и вот-вот сдвинутся с места. Потому что нет похожих свистулек, у каждой — своя особинка, какая-то светлая доброта и доброжелательность, — и непременное чувство юмора. Все они как бы играючи вылеплены, — явно в очень хорошем настроении был человек, лепивший их. Да ведь в ином-то настроении такие солнечные, искрящиеся добротой зверюшки никак не появятся на свет, — мрачный, злой по природе человек подобную игрушку ни за что не сделает, как ни старайся.

Значит, душу тут надо иметь особую: не только полыхающую творческим жаром, но и огненно-светлую, радостную. С такой душой и рождается любой мастер, — или сама работа постепенно формирует, пестует в человеке эту одухотворенность, тягу к Красоте, желание поделиться ею с другими.

Детские самодельные игрушки — особая странница в древнем народном творчестве. В чувашском kraю их делали из глины и дерева, соломы и ткани, из бересты и шерсти животных. В каждой, самой бедной крестьянской семье непременно были и традиционные тряпичные куклы на палочке в собственно ручно сшитой и вышитой матерями одежде.

Это такая красота, чувашские национальные куклы! В них — особая влюбленность в каждую деталь и штрих деревенской жизни, в них — подлинная поэтика и теплота многогранного народного творчества Чувашии, — ведь все мы родом из детства.

2. ВСЕ МЫ – РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Многоликое народное искусство... Испокон веков носило оно в Чувашии сугубо утилитарный характер. Люди просто строили ладные избы с деревянным кружевом наличников, красовавшиеся друг перед другом на деревенских улицах, как девушки в хороводе, вышивали повседневную одежду, мастерили из дерева и глины разукрашенную узорами посуду, любовно творили игрушки для детей. Каждая из подобных вещей предназначалась когда-то только для дома и семьи, для повседневного обихода, — но их творцы подспудно считали, что эти вещи и весь быт непременно должны быть красивыми, радовать взгляд. Потому и вкладывали в них все свое умение, характер и заветные мечты, живинку в деле, свое представление о красоте и счастье.

Потому-то эти творения безымянных мастеров, выражавшие саму душу

народа и ставшие лицом времени, дошли до нас через века и тысячелетия. И удивительное перевоплощение произошло буквально на наших глазах с народным творчеством, переживающим свое «второе рождение»: из чисто бытового, «повседневного» оно стало во многом прикладным, стало народным искусством. А старинные рукотворные вещи народных умельцев, подолгу бережно хранившиеся «в бабушкиных сундуках», стали ныне бесценными экспонатами ведущих этнографических музеев нашей страны.

А рядом с ними по праву экспонируются и творения нынешних продолжателей и знатоков традиций древних ремесел, — как профессиональных художников, так и народных мастеров, неутомимо черпающих все новые и новые замыслы в бездонном роднике национальной культуры. Давайте же совершим мысленное путешествие по музейным залам республики, перелистаем там наиболее яркие страницы современной истории народного творчества, — и познакомимся с самобытным творчеством некоторых народных мастеров-золотые руки чувашского края, с путями-дорогами, которые привели их «из детства» — к истокам и вершинам ремесла.

Василий ДЖЕНИН

Полжизни носил в себе фашистскую пулю после боя на подступах к Висле ветеран-фронтовик Василий Дженин. Но все эти мирные десятилетия, что учительствовал он в Чебоксарах, даже не догадывался Василий Степанович об этой безжалостной мете Великой Отечественной войны. Да и после операции, когда хирурги, наконец, удалили коварный кусочек металла, не давала фронтовику забыться постоянная ноющая боль в ноге. Долгими бессонными ночами лишь однаждинственное «лекарство» и помогало солдату: воспоминания о далеком деревенском детстве, о матери, неутомимой труженице, что вырастила их, шестерых детей. И, переводя взгляд на тихо поса-

пывающих во сне внучат, все больше утверждался он в давно зревшей подспудно мысли: необходимо, чтобы помнили они, как нелегко жилось когда-то их дедам-прадедам, чтоб знали и про старые курные избы, и про лапти-онучи да домотканый холст. А главное, чтоб наглядно представляли себе все это.

И задумал Дженин создать целую серию резных деревянных мини-скульптур, своего рода этнографическую сюиту-сказ о том, как чувашская женщина одевала семью в старые времена. Выразительными и оригинальными получились эти точеные фигурки цвета свежего липового меда. Дерево будто ожило под руками умельца, помогая воскресить одну из полуза забытых страниц истории чувашского народа.

Решил поначалу старый учитель вырезать четырнадцать небольших скульптурок из податливой осины, воплотить в дереве все четырнадцать главных процессов в изготовлении домотканого холста. Круглый год действовали в крестьянском хозяйстве эти мини-«фабрики на дому», но началом всех начал была весна-красна. И вот, наконец, появилась первая композиция умельца: крестьянин погоняет лошаденку со впалыми боками, пашет сохой землю под коноплю. Не один месяц ушел у Дженина на эту работу — «первенца»: ведь до сих пор он никогда в жизни не занимался резьбой по дереву, и лишь выйдя на пенсию, впервые взялся за резак да лобзик. Потому-то поначалу лепил фигурки из глины или пластилина, многократно переделывал их, добиваясь максимальной точности и выразительности, — на дереве-то потом не исправишь ошибки.

Другие скульптуры уже полегче и быстрей пошли. А «Отбивку холста» даже без пластилиновой модели начал мастерить, прямо над деревянным чурбачком стал «колдовать». Перво-наперво вылущил сердцевину из будущего «бревна», вокруг которого наматывали холст, — до сих пор как наяву помнил он, какой веселый эвон стоял по всей деревне, когда по таким дуплистым кряжам всем миром дружно стучали деревянными колотушками, чтобы мягким да гладким становилось домотканое полотно.

Потом начал вырезать две женские фигурки: в одиночку-то, без ниме — соседской взаимопомощи, — никак было здесь не обойтись. В композиции, рассказывающей, как треплют коноплю, крестьянки у него тоже на пару работают. И так ловко это у них получается, что, кажется, на глазах убывают споники, «сложенные» на земле с помощью дженинского резца. Не забыл мастер и о том, чтобы «надеть» на сельчанок лапти да каftан, ведь дело про-

исходит глубокой осенью. У крестьянки, расчесывающей кудель, лицо по самые глаза платком завязано: уж больно грязная, пыльная была эта работа.

Вот пряха, тихонько напевая знакомую с детства народную мелодию, нить прядет всамдешнюю, а сынишка тут же наматывает ее на специальные шпули:

Тонкой ниткой кудель течет,
Песню звонкую прясле поет.
Эту песню умели давно
Навевать на веретено.

А вот — женщина уже за самодельным ткацким станком. Станочек со всем миниатюрный, всего-то с детскую ладошку, а ведь действует! И прямо на глазах появляется крохотный лоскуток самого настоящего холста.

В общем, переводишь взгляд с одной деревянной скульптуры на другую, и будто страницы учебника по истории чувашского края листаешь: никакой «приблизительности», неточности: документально достоверна мельчайшая деталь. Потому что не понаслышке знал Василий Степанович все это, навечно врезались в память ему детские впечатления.

Так постепенно делал Дженин одну за другой крохотные деревянные скульптуры из задуманной серии. Только вот над некоторыми из них подолгу ломал голову: ну, как, например, наглядно изобразить процесс отмачивания конопли в проточной ледяной воде? Но все получилось в конце концов, не бросил дело на полпути. А в голове зрели новые задумки, новые этнографические серии. И захотелось уже мастеру рассказать о старинных народных промыслах: плетении ивовых корзин, изготовлении саней, какие, бывало, всю зиму мастерил его отец. А еще надумал рассказать о самых главных деревенских профессиях, — о кузнеце, например, или о том, как ухаживают на селе за домашней скотиной. И начал он воплощать свои новые замыслы, — конечно же, с помощью послушного теперь ему дерева, которое охотнее всего раскрывает свою душу мастеру.

Вы давно бывали в республиканском Доме народного творчества в Чебоксарах? Загляните в одну из его творческих лабораторий-музеев: много интересного там увидите, в том числе, деревянные скульптуры Василия Дженина. А также — целое фольклорное действие, — композицию из дерева «Акатуй» Петра Мазуркина.

*Работы
В. Дженина*

Петр Мазуркин

Петр МАЗУРКИН

Известному на всю Россию резчику по дереву, участнику многих престижных Всероссийских выставок народного творчества, тоже помогло пробудить его талант деревенское детство, родные поля и леса приволжского селения, вся атмосфера отчего дома. Поистине, мастерами на все руки были его отец и дед. Умели они и сапоги стачать, и обнову сшить, и оживить любой музыкальный инструмент, и дом построить, и украсить его деревянным кружевом. Глядя на старших, и Петр съязмалу пытался что-то строгать, выпиливать. А от матери пришла к нему любовь к стариным народным мелодиям и вышитым узорам. Кстати, именно чувашская вышивка стала первым его увлечением. Спрятавшись за печку, из обрывков разноцветных ниток малыш подбирал незамысловатые поначалу рисунки. Сначала распускались на холсте листики да цветочки, потом начали оживать и орнаменты национальной вышивки. Очень пригодились ему эти навыки позже, когда стал он «вышивать» по дереву.

Красота все прочней входила в душу деревенского мальчишки. Любую палку-кнутовище, бывало, щедро украсит резьбой. Возьмет в руки кусок глины — сделает веселую свистульку. Когда отец научил его плести лапти, стал и сам мастерить из лыка игрушки для забавы соседским малышам. Заинтересовался плетением из лозы — со всей деревни посыпались парнишке заказы на корзинки. Но больше всего хотелось ему научить «говорить» дерево, вдохнуть в него жизнь и поэзию. И ярче всего заговорило оно в одной из самых известных ранних работ Петра Мазуркина — этнографической композиции из дерева «Акатуй».

...Шумит, бурлит людским половодьем, набирает силу и мощь сельский акатуй, — древний крестьянский праздник «свадьбы земли и плуга», отмечаемый по давней традиции сразу после завершения весенних полевых работ. И стар, и млад стекаются за окопицу деревни, под тень раскидистых вековых ветел. Водят хороводы девушки в национальных вышитых костюмах, парни меряются силой и удалью, играючи подымают пудовые гири. Присев в кружок прямо на траве, задорную плясовую выводят гусляр, пузырист и другие сельские музыканты. Без устали кружится на радость ребятне веселая нарядная карусель. И даже старенький трудяга-трактор (точно на таком же в войну дни и ночи пахала землю мать Мазуркина) тоже не удержался, вместе с пахарями явился на праздник. Да и люди, чувствуется, еще не остыли от жаркой, до соленого пота, работы на севе. Но это было вчера, а сегодня, когда летняя страда дала короткую передышку земледельцам, вот уж, поистине, как сказал поэт, «коль праздник — от души ликуют, коль работа — гору дай любую!»

Как и «Акатуй», на выставки и в музеи давно перекочевали и его самые оригинальные резные ковши (сотни их сделал мастер за свою жизнь), деревянные ведерки и посуда, в точности повторяющие древнюю крестьянскую утварь, богато разукрашенные резьбой подносы. Музейными экспонатами стали и его «Литературная шкатулка», где вырезаны и выжжены портреты известных чувашских писателей, уникальная этажерка «Нарспи» с резными барельефами-иллюстрациями к поэме классика чувашской литературы Константина Иванова.

В доме Мазуркиных — как в этнографическом музее: что ни вещь — настоящее произведение искусства, начиная с украшенных национальными орнаментами наличников окон. Глаз не оторвать и от резных кресел, столика, кровати, вешалок, зеркал в оригинальной деревянной оправе, изумительной красоты ковшей-братин, всевозможных шкатулок, ваз, подносов, разделочных досок, корытцев, деревянной посуды, выполненной по подлинным старинным образцам... В общем, нет, наверно, ни одной нужной в хозяйстве вещи, которую народный умелец не попытался бы сделать самолично. Помогает этому не только исконно-тонкое художественное чутье, сполна передавшееся ему, видно, «по наследству» от древних предков — народных мастеров. Долгими вечерами просиживает Петр над книгами и альбомами, посвященными резьбе по дереву, часто бывает в этнографических музеях, подолгу глядываясь в дошедшие до наших дней работы безымянных умельцев прошлых поколений.

И в голове мастера зреют новые и новые замыслы. Другой раз, даже пронеснувшись среди ночи, спешит он зарисовать мимолетно мелькнувшую во сне задумку. А наутро опять без устали старается над очередной поделкой, «колдует» над неподатливым поначалу деревом, пытаясь заглянуть в самую его сердцевину, вдохнуть в него душу, оживить, — чтобы в очередной раз заговорило-запело дерево под его умелыми руками.

Людмила КОНОРЕВА

Когда «перелистываешь страницы» своеобразной летописи возрождения в Чувашии старинных национальных промыслов, знакомясь с музейными экспонатами и каталогами выставок народного творчества, проводимых во второй половине прошлого столетия, трудно остаться равнодушным к творчеству Людмилы Коноревой. Она сумела вдохнуть жизнь в самую обычную глину, какой более чем «богаты» местные земли, научила говорить ее на редкость самобытным, поэтическим языком, выразительно рассказать-поведать о древнейших страницах истории культуры и народного искусства чувашского края, его фольклора.

Взять хотя бы ее фольклорную серию глиняных мини-скульптур «Чувашская свадьба», в которой свадьба у мастерицы — не заурядное застолье-разгулье, а Праздник с большой буквы, где наиболее выпукло проявляется чувашский национальный характер, его широта, талант и трудолюбие. Вот, например, одна из самых ярких композиций этой серии работ — «Проводы невесты». Создавая ее, Людмила Конорева дотошно расспрашивала деревенских аксакалов о мельчайшей детали: что, например, при проводах невесты выставлялось на стол, какое значение имели здесь продукты, — мед, яйцо, зерно, соль, хлеб. Ведь в ту далекую пору ничего случайного не ставилось на свадебный стол, все имело свое значение и тайный смысл. И чем больше она погружалась в «преданья старины глубокой», тем труднее становилось работать: как бы чего важного не упустить, да и лишнего нельзя брать, — глина требует особой лаконичности.

Настоящей энциклопедией национальных обычаяев и традиций стала скульптурная композиция из керамики «Старинный танец». На первом плане — две танцующие чувашки в нарядных головных уборах, привлекательные той особой красотой, которая отличает именно женщин-крестьянок. Лица у них сосредоточенные, серьезные, будто очень важную работу выполняют, старательно и с достоинством. Ни слова не говорят, но явно ведут меж собой интересный для каждой диалог на языке танца, который на глазах превращается в какое-то магическое действие.

Особняком держится живописная группа деревенских музыкантов. Один чинно играет на ста-ринном пузыре-шъбре, другой, — развеселый де-док с длинной бородой, держит в руках трещотки с колокольчиками, и так доволен собственной иг-рой, что даже рот от восторга приоткрыл. Не-сколько женщин поодаль увлеченно хлопают ла-донями в такт музыке, и одна из них вот-вот и сама в пляс пойдет, — у каждой свой характер и особый покрой платья из пестряди, по-своему «вышитые» фартуки, разные бисерные хушпу на голове, не спутаешь и у кого какой поясок, как он повязан. Здесь настолько этнографически точна каждая деталь в одежде, позе, выражении лица, что композицию эту можно читать, как раскры-тую книгу.

В другой аналогичной работе, сделанной «с натуры» на сельском празднике, несколько чело-век поют, собравшись в кружок. Здесь — целая этническая группа женщин-чувашек из разных районов республики, их «прописку» отличишь по разным национальным костюмам, в которые они «одеты», — досконально вылеплена каждая де-таль одежды. Сделаны эти работы в одной из самых любимых для мастерицы технике, для которой требуется особое настроение: фигурки совсем крошечные, создавая их, буквально дышать боялась. Помогло то, что лепила их во время отпуска, на природе, — ей любая задумка всегда особенно удавалась, когда работала в лес-ной тиши на берегу Волги.

Наверное, это шло еще от детских впечатле-ний. Выросла Людмила Конорева в деревне на реке Аниш, окруженней со всех сторон живопис-ными рощами. Была старшей в многодетной сель-ской семье, очень рано пришлось ей познать цену крестьянского труда, с шести лет пасла скот в лесу,

в оврагах. Многое дало ей это близкое общение с природой. С детства, бывало, и свистульки лепила из глины, и кукол, и глиняную посуду для них. А став горожанкой, снова вернулась в далекое детство, и вновь, уже на другом витке, но по-прежнему по-крестьянски истово, начала лепить свои удивительно одутворенные фигурки из глины.

И вновь, как когда-то у себя в деревне, водила она лирические девичьи хороводы на покрытом густой травой взгорочке над речкой-невеличкой, неторопливо петляющей среди раскидистых ив. На одном дыхании создавала Конорева композицию «Чувашский хоровод», мысленно побывав на месте каждой из его героинь. Очень неординарно «вылеплен» здесь характер девушек: одна — совсем юная, несмелая, другая — мечтательная, у третьей — нос кверху озорно задран. По-своему рассказывала мастерица с помощью послушной ей глины и свои любимые со временем босоногого детства сказки и предания. Вот, например, «Девушка на Луне». Живыми и в чем-то очень современными кажутся улетающая на небо девица-краса в белоснежном одеянии и уже тщетно преследующая ее баба Яга, — столь искусно «сыграла» она на контрасте естественного цвета белой и красной глины, воплощая извечный в сказках поединок добра и зла.

Глубокого философского смысла полны этнографические работы, созданные богатой фантазией Людмилы Коноревой четверть века назад, недаром за одну из фольклорных серий она в свое время была удостоена серебряной медали ВДНХ. Неисчерпаемо в ее «глиняной» коллекции число подобных сюжетов, как неиссякаем и бережно хранящий их в народной памяти чувашский фольклор, из которого она выбирала что-то свое, близкое ей по духу, обращаясь к самым истокам, корням национальной культуры.

Мария СИМАКОВА

Одной из самых именитых мастерниц чувашской национальной вышивки Марии Симаковой не довелось с детства постигать секреты самого древнего народного искусства, учиться им у матери-бабушки: в три года осталась она сиротой, и очень рано пришлось ей «идти в люди», с 12 лет самой зарабатывать на жизнь. Но, видно, уже в ее крестьянских «генах» был заложен талант вышивальщицы, раз пришла когда-то Симакова проситься на работу именно на фабрику художественных промыслов «Паха тёрё» (Чудесные узоры), где и проработала 30 лет. «С отличием» заканчивала она здесь «курс за курсом» своих самых важных жизненных и творческих «университетов»: стала не только участницей и призером многих всероссийских и международных выставок и

конкурсов народного творчества, но и членом Союза художников РФ, Народным мастером России, наставницей как педагогов-культурологов вузов и школ республики, так и их питомцев.

Недавно в Чебоксарах увидела свет книга-альбом Марии Симаковой о чувашских узорах, ставшая подлинным учебником для многих почитателей национальной вышивки. «Произведения, созданные ею, — настоящие шедевры, они обогащают культуру нации», — пишет в предисловии к этому красочному изданию доктор искусствоведения, профессор, Заслуженный деятель искусств РФ Алексей Трофимов, — один из главных учителей в творчестве самобытной мастерицы. Помещены здесь и говорящие сами за себя фрагменты из Книги отзывов с ее последней персональной выставки.

«У вас золотые руки, все очень красиво и замечательно!»

«Восхищены вашим талантом и неповторимой вышивкой. Это не только произведения искусства, но и сохранение народных традиций и культуры. Новых вам успехов, и чтобы не было ни одного узелка на вашем жизненном пути!»

«Спасибо вам за теплоту, за радость, которую вы несете своим искусством. Чем больше вы будете радовать нас, тем прекраснее будет жизнь!»

«Нет слов, чтобы выразить свой восторг по поводу выставки «Чувашские узоры». Когда есть такие художники, как Мария Симакова, с уверенностью можно сказать, что будут жить уникальные традиции чувашского народа».

«Как бы создать на территории Чувашии ваш музей? Ваши работы — это праздник, восхищение жизнью».

Символичным стал отзыв самого младшего из шестерых внуков Марии Васильевны: «Дорогая бабуля! Это очень красиво. Я никогда не думал, что у тебя так много работ. Я был ошеломлен, это оставит след в моей жизни».

Евгения ЖАЧЕВА

Свою книгу, своеобразный учебник для начинающих вышивальщиц, вышедший в республиканском издательстве, создала и Евгения Жачева. Которая выбрала когда-то для самой первой своей работы сразу Древо жизни, — один из наиболее древних и сложных орнаментов чувашской вышивки. Это сейчас, годы спустя, заслуженно считается она признанным знатоком «секретов» национальной вышивки, одной из первых в Чувашии удостоена высокого титула «Народный мастер России», которыйдается лишь самым талантливым умельцам-самородкам. Но в ту пору и иголку-то в руках толком не умела держать. Но, видно, так уж распорядились предки, незримо следящие за судь-

Мария Симакова (слева)
и Евгения Жачева

бой каждого из нас, что именно Жачева, тогда — скромная преподавательница музыки одного из детских садов Чебоксар, загорелась вдруг идеей создать «Родословную» своего крестьянского рода-племени, и именно с помощью традиционных вышитых узоров. И все шире раскидывало могучие ветви на самотканом льняном полотне необычное древо жизни: около 200 (по числу уроженцев этого древнего рода) сказочных птиц с разноцветным оперением — символов счастья в народных сказаниях, — «расселила» вышивальщица на ветвях: о нескольких поколениях семьи поведала ее удивительная «Родословная», за которой стояли месяцы кропотливого труда.

А начав старательно учиться азам вышивки, требующей поистине виртуозного исполнения, старания, геометрической точности рисунка (на одну-единственную ниточку нельзя ошибиться при счете, чтобы не нарушить гармонию и красоту узора), Е. Жачева навсегда прикипела к ней душой. И с головой окунулась в бездонный родник народного творчества, — будто заворожил ее пришедший из глубины веков зов-завет безымянных мастерий, так созвучный ее собственному характеру. Ведь, как гласит древняя притча, в узорах чувашской вышивки — 60 мудростей и 70 цветов, и создавать их надо с чистой душой и красивыми помыслами, нельзя даже браться за вышивку немытыми руками, не ополоснув ключевой водой лица, не зарядившись добротой к людям.

Старательно осваивала она традиционные узоры чувашской вышивки: ездила учиться к признанным мастериям знаменитой фабрики «Паха тёре» (Чудесные узоры) и ее главному художнику Е.И.Ефремовой, консультировалась с известным ученым-искусствоведом А.А.Трофимовым, засела за книги и альбомы, рассказывающие о национальных орнаментах, подолгу любовалась ими в местных музеях. В общем, досконально изучила особенности более чем двух с половиной десятков чисто чувашских швов. Но никак не удавалось ей найти еще один шов, совершенно неведомый доселе ни ей самой, ни даже многим видным специалистам национальной вышивки, — но о котором в детстве слышала еще от матери, крестьянки из деревни на Цивиле: что есть, — есть! — такой шов, самый сложный из всех других. И, наконец, посчастливилось-таки ей в фондах Чувашского краеведческого музея отыскать на одном из самых древних орнаментов этот на редкость красивый двухслойный шов. А вскоре и на холсте его оживила. А потом «воскресила из небытия» еще один шов, другой...

И тогда решила мастерица собрать все известные ныне швы чувашской вышивки в единой композиции, создать своего рода практическое «учебное пособие» для начинающих вышивальщиц и всех, кому дорога национальная

вышивка и ее традиции. И день ото дня краше становилась ее уникальная «Свадебная подушка», вышитая специально к одной из республиканских выставок народного искусства. А потом родилась целая серия ее «жениховых платков», украшенных по старинной крестьянской традиции самыми богатыми и красивыми узорами. Создала Евгения Жачева и уникальную коллекцию женских костюмов прошлых веков, скопированных ею до мельчайших деталей с древних гравюр и музейных экспонатов. Многие ее работы и сами ныне стали экспонатами нескольких музеев.

А сколько у нее дома чудо-узоров, ставших подлинным эталоном красоты! Глаз не отвести от богато украшенных ею вышивкой скатертей, салфеток, занавесей, гостевых полотенец, — такими в старину у них в деревне привечали самых дорогих гостей. Когда-то своему новорожденному сыну подарила — по старинному народному обычью, «на зубок» — красочный альбом с вышитой обложкой, где тончайшей работы орнамент исполнен глубокой символики. По самому краю альбома пролегла четкая зигзагообразная линия — пожелание долголетия и продолжения рода, рядом золотистая кайма — чтобы жизнь была светлой и радостной, здесь же — и стилизованная радуга-символ счастья.

А сама Евгения Николаевна одевает самые красивые, собственноручно вышитые платья, когда она, педагог, идет на работу в школу и проводит здесь занятия с детьми, открывая им окно в мир прекрасного, рассказывая о секретах национальных узоров, щедро делясь своими поистине энциклопедическими знаниями о них, одухотворенностью, влюбленностью в чувашскую вышивку.

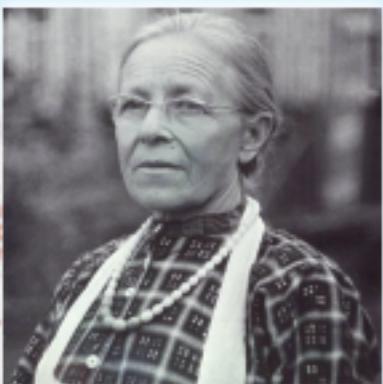
— Знаете, как дети радуются, когда видят вышивку! — загораются у нее глаза. — Я как-то показывала им свои работы, так до сих пор вспоминают. Ведь любовь к красоте надо воспитывать с детства. А уж национальные традиции в воспитании — вообще неоценимы.

Валентина МИНЕЕВА

Большой знаток самых потаенных секретов чувашского ткачества Валентина Минеева, одна из первых в республике завоевавшая звание «Народный мастер России», многим людям передавшая свою вечно молодую увлеченность этим исконно народным ремеслом, тоже охотнее всего всегда занималась с детьми.

Даже на пороге своего 80-летия, когда заведовала в столице Чувашии мемориальным музеем-квартиroy художника-первоходца Моисея Спиридонова, вела здесь кружок рукоделия для школьников, учila их азам национального ткачества. И собственный ткацкий станок там заимели — приобрели

Валентина
Минеева

его у знаменитой в свое время в Чебоксарах актрисы, заслуженной артистки России Мариной Каширской, которая тоже всю жизнь увлекалась ткачеством, создала множество красивейших тканых вещей в виртуозной технике исполнения. А училась она ткать именно у Валентины Алексеевны.

В богатой творческой биографии Минаевой есть и работа на фабрике «Паха тере», где на финише прошлого века была лаборантом экспериментальной лаборатории, делая там эскизы-образцы орнаментов для ткачества. Стала в свое время заочным наставником в этом древнем ремесле и для тысяч незнакомых ей женщин-сельчанок: работая в 50-60-е годы в отделе культуры республиканской газеты, издававшейся на чувашском языке, особенно много души отдавала возрождению национального ткачества, часто писала о народных умельцах. Образно рассказывала о них и позже, возглавляя детскую редакцию Чувашрадио. Да и поныне продолжает пропагандировать народное искусство на страницах самой многотиражной газеты республики «Хыпар» (Вести). И даже подготовила недавно к изданию собственную книгу о секретах чувашского узорного народного ткачества.

А на 82-м году жизни она с гордостью вспоминала о проходившем незадолго до этого в Чебоксарах конкурсе «Русь мастеровая», куда съехались умельцы со всех уголков страны. Но где лишь женщина-чувашка, Ермолаева Нина Михайловна, одна из ее бывших «подшефных», оказалась единственной, кто рискнул привезти с собой из деревни в «Город мастеров» громоздкий старинный ткацкий станок. И день-деньской работала на нем на глазах у восхищенных людей, с утра до вечера плотных кольцом окружавших мастерницу. Кто-то из них и сам решался попробовать выткать ряд-другой под ее доброжелательным приглядом.

И так сожалеет сейчас Валентина Алексеевна, что ныне энтузиастов ткачества остались единицы, — а ведь когда-то в чувашском kraю ткать умела буквально каждая крестьянка. Доказательство тому — множество образцов прекрасной узорчатой ткани, сохранившихся и в музеиных фондах, и в «бабушкиных сундуках» в местных деревнях. По ее рассказам, о самобытности чувашского ткачества еще в середине 19 века писали российские и зарубежные ученые, собиравшие материалы об этнографии народов Поволжья. А из чувашских исследователей первым рассказал о ткачестве ученый-энциклопедист с мировым именем Николай Никольский.

Тканые орнаменты удивительно красивы и нарядны, недаром долгими зимними вечерами просиживали когда-то чувашские крестьянки за этими филиг-

ранными узорами, у каждого из которых — свое выразительное название. Один из самых сложных — «замочек», его мастерицы ставили, будто печать-клеймо, «на границе» разных орнаментов, которые зачастую в каждой деревне были свои, сохраняемые из поколения в поколение, — особенно, когда ткали разнообразную цветастую пестрядь для одежды. А при изготовлении скатерей и салфеток использовалась совсем иная техника, своеобразным венцом которой становились нарядные орнаменты-квадратики с дырочками типа мережки и с «вкусным» названием «пряник».

Валентине Алексеевне они почему-то напоминают домик с множеством окошечек, в каждом из которых горит свет. Другие орнаменты, на ее взгляд, похожи на изящные, будто кружевные, медальончики или на плавную цепочку девичьего хоровода. В целом же тканые узоры Минеева образно сравнивает с музыкой многоголосого оркестра. Вначале она звучит тихо, напевно, потом звуки все громче, громче, наконец, музыка гремит в полную силу — и снова постепенно стихает, пока, наконец, не умолкнет голос последнего инструмента. И уже далеким эхом, будто капли стихающего дождя, доносится отзвук завершающей ноты этой «застывшей музыки» виртуозно вытканного орнамента. А еще в каждом из них свою, особую песнь слагает цвет узоров. В чувашском национальном ткачестве главенствующую роль играет слаженный дуэт белого и красного тонов. Такая традиция идет еще с самых древних сурпанов (женских головных повязок с вышитыми концами): красный цвет в народе всегда олицетворял жизнь, счастье.

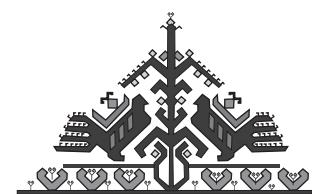
Особую страницу в истории национального ткачества занимало изготовление всевозможных поясов и тесьмы к крестьянской одежде. В старину чуть ли ни в каждом селении была своя, «фирменная» технология их изготовления, — сейчас хоть географию чувашского края по ним изучай. «Разноцветье здесь удивительное! — не перестает всю жизнь восхищаться ими Валентина Алексеевна. — Смотришь — и кажется, что в них отображена вся жизнь человеческая. Вот, например, с краю — черная, как земля, каемочка. И тут же рядом с ней появляется темно-голубая полосочка, — будто светать уже начинает. Потом нити все светлей, ярче, — за рассветом день пришел, солнце высоко в небо поднялось. Наконец, снова сумерки наступают, а их новая ночь сменила, до будущего рассвета. И обо всем этом своим, особым цветом ниток ткачиха поведала».

Чем ее саму ткачество приворожило на всю жизнь, так глубоко затронуло душу? Прежде всего, тем, что, по ее словам, «намного интересней, теплее от

этого было жить». Она прикипела сердцем к национальному ткачеству еще в детстве: мама ее ткать-вышивать мастерски умела, обе бабушки были рукодельницы на зависть всем знакомым. Когда в молодые годы Валентина Минеева стала сельской учительницей, то и сама, живя в деревне, с головой ушла в «глубины» ткачества, его истории, традиций, техники. Переезжая потом в город, уже увозила с собой богатый багаж знаний в этой сфере, целую кипу своих оригинальных авторских работ и подаренный ей односельчанами старинный ткацкий станок, с которым не расставалась более полувека. За это время создала она богатейшую персональную коллекцию самых разнообразных тканых изделий, — от ажурных, будто вышитых орнаментов, ювелирно скопированных ею с работ безымянных мастеров 19-го века, до роскошных полотенец и скатертей, солнечно-веселых домотканых половиков, которые всегда щедро раздавала своим родным и друзьям. Многие ее работы хранятся в музеях Чебоксар, Москвы, Санкт-Петербурга, Суздаля.

А теперь ее ткацкий станок переселился в Чувашский госуниверситет, — с его помощью осваивают азы древнего народного ремесла студенты факультета дизайна. Вспомнит сейчас Валентина Алексеевна про этот станок, — невольно взгрустнет: будто самого близкого человека из дома проводила... Мечтает: вот если бы на факультете сумели освоить ткачество. Сначала бы сами девочки-студентки учились, потом бы других девочек учили. А муж ее единомышленницы по увлеченности ткачеством, Нины Михайловны Ермолаевой, тоже умелец на все руки, мог бы, уверена она, для них ткацкие станки изготавливать по старинным образцам. Ведь в деревнях-то почти бросили сейчас ткать, так что и ткацкий станок там теперь редко где увидишь. А ткачество — ведь это такое хорошее, нужное людям искусство. Но — убеждена Валентина Минеева — ему сейчас очень нужна государственная забота: «Нельзя нам терять такое искусство: пропадет же оно без помощи, пропадет. Не простят нам этого наши потомки».

3. МАСТЕР-КЛАССЫ: ХУДОЖНИКИ И ИСКУССТВОВЕДЫ

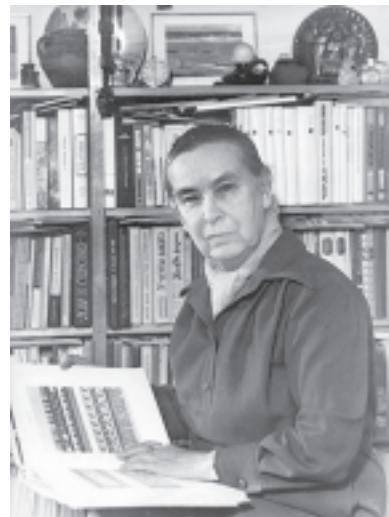
Выше шла речь о безымянных мастерах прошлых столетий и о «старейшинах» современной истории народного искусства Чувашии, самобытных умельцах, бывших в числе первопроходцев на тернистом пути возрождения древних ремесел во второй половине прошлого столетия. Теперь же их ряды заметно расширились, — целый многоликий «Город мастеров» вырос на карте республики. А ведут их зачастую к вершинам мастерства большие энтузиасты народного искусства — профессиональные художники, среди которых все больше становится выпускников не только ведущих российских вузов, но и чувашских.

Екатерина ЕФРЕМОВА

Золотыми буквами в историю возрождения чувашской вышивки вписано имя Екатерины Иосифовны Ефремовой (1914-2000), занесенной в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма республики.

Еще в 30-е годы XX века, окончив в Москве художественно-промышленный техникум, связала она свою судьбу с национальной вышивкой родного народа. И позже, получив диплом Московского института прикладного и декоративного искусства, все так же без устали ездила по Чувашии, собирая старинные вышивки, зарисовывая узоры, стараясь разгадать утраченные с веками секреты таланта безымянных мастерниц прошлых поколений.

А главное, неутомимо искала пути сближения древних узоров с запросами искусства нового времени, оптимальные формы возрождения старинных орнаментов. Понимая, что невозможно чисто механически переносить их на предметы современного быта, художница в своих бесчисленных эскизах-поисках творчески осмысливала драгоценное наследие, по-новому строила композицию каждого узора, бережно сберегая при этом самое ценное в народных традициях. И в этих вышивках оживали вехи исторического пути предков чувашей и их мировоззрения, идеалы прекрасного, вновь наяву можно было уви-

Работа Александры Ильбековой

Раиса
Терюкарова

Федор
Мадуров

Адель
Ефейкина

Ольга
Дуняк

деть в возрожденных орнаментах и символическое изображение небосвода с небесными светилами, и горы высокие, и бессмертное древо жизни.

Екатерина Ефремова постоянно была в поиске, в творческих экспериментах: она вдохновенно, с крылатой фантазией составляла эскизы новых орнаментов и для одежды, и для портьер, салфеток, дорожек, скатертей, занавесей, декоративных полотенец и других самых разнообразных вещей. С ее именем связано и становление в селе Альгешево возле Чебоксар небольшой поначалу артели художественных промыслов, ставшей вскоре знаменитой далеко за пределами Чувашии фабрикой художественной вышивки «Паха тёре» (Чудесные узоры). Здесь она почти полвека проработала главным художником, и под ее приглядом несколько поколений сельских мастеров до тонкостей освоили филигранную точность исполнения заповедных орнаментов, познали вековечные тайны удивительной гармонии чувашской национальной вышивки, став настоящими ее виртуозами. А профессия вышивальщицы превратилась в одну из самых уважаемых и массовых в Чувашии: во всех уголках республики один за другим открывались сельские филиалы «Паха тере».

Долгие годы на самом видном месте на Альгешевской фабрике висела огромная карта, где тоненькие пунктирные линии соединяли Чебоксары с десятками зарубежных стран, где на самых престижных международных выставках с триумфом демонстрировалась чувашская вышивка: Англия, Франция, США, Канада, Бельгия, Индия, Греция, Италия, Аргентина, Чехословакия, Польша, Венгрия, Германия, Турция, Болгария, Сирия, Алжир, Испания, Португалия, Монголия, Мозамбик, Гана, Тунис, Югославия, Лаос, Ирак, Шри-Ланка, Кипр, Иран, Аргентина, Исландия, Марокко, Куба, Япония... Про чувашских вышивальщиков даже была сложена весьма популярная в ту пору в республике песня-гимн их золотым рукам, создающим такие чудесные узоры, что им «то в Париже удивляются, то в Брюсселе восхищаются».

На всех этих выставках экспонировались, неизменно завоевывая призовые места и всевозможные награды, и вышивки — поистине, настоящие песни на полотне! — самой Екатерины Ефремовой, украшенные богатейшими самобытными орнаментами. Все они в себя вобрало: и старину, и день нынешний, и любовь к родному народу, и полет фантазии. Их ярко выраженный национальный колорит подчеркивали и сами названия лучших ее композиций, обошедших весь мир: «Чувашский сувенир», «Древо жизни», «Чувашский праздник». Лауреатами многих конкурсов становились и ее оригинальные керамические сервизы с чувашским орнаментом, например, «Чувашский квас-

ник», чайный комплект «Чувашский сувенир», — ведь в институте прикладного и декоративного искусства художница заканчивала именно отделение керамики. И все же ее первой и главной любовью была всегда чувашская национальная вышивка, которой она оставалась верна всю жизнь.

Александра ИЛЬБЕКОВА

«Правой рукой» Е.И.Ефремовой в возрождении и приумножении национальных традиций народного искусства на фабрике «Паха тёрё» долгие годы была профессиональный художник-прикладник, опытнейший специалист по ковроткачеству Александра Ильбекова. Фактически, она стала в республике одним из первопроходцев в переводе старинных канонических орнаментов чувашского национального ткачества на промышленную основу. И настоящим открытием для жителей Чувашии стали во второй половине прошлого столетия созданные по ее рисункам практичные шерстяные ковры, ковровые дорожки, накидки для диванов и кресел с маркой фабрики.

Глаза разбегались от богатства их ассортимента. Узоры на одном ковре как капли воды были похожи на тканую «роспись» старинных сурбанов: центральный орнамент, напоминающий цветастые, широко раскинутые на красном поле крылья бабочки, окружали гармонично чередующиеся друг с другом полосы разной ширины, — то бежево-бордовые, зеленые, алые, то похожие на кружевную бело-черную тесьму в зелено окантовке. В центре другого ковра водили хоровод, взявшись «за руки», геометрически строгие разноцветные орнаменты с красной сердцевинкой. А по краям плотной стеной, будто стражи, выстроились орнаменты

А. Ильбекова (слева)

другой, более удлиненной формы, чем-то неуловимо похожие на черные как ночь островерхие ели, под густым пологом которых весело резвились молоденькие елочки с нежно-зеленой, голубой, коричневой и красной «хвоей».

Эти оригинальные ковры были востребованными на любой республиканской, Всероссийской, Всесоюзной, международной выставках. Точно так же, как давшие им начало и «путевку в жизнь» самобытные авторские произведения самой Александры Ильбековой, сотканные по чувашским мотивам. У них такие поэтические названия: «Узоры родного края», «Радужный», «Праздничный», «Чувашский мотив».

Каких только «фирменных» ковров со своей «особинкой» ни ткут испокон веков во всех уголках мира. Но чувашские ковры не спутаешь ни с какими другими, — так оригинальны и неповторимы их орнаменты в национальном стиле, столь ярка, нарядна, солнечна цветовая палитра. В ней преобладают те же цвета, что искстари любимы в чувашском kraю и вышивальщицами, и ткачихами: главенствующий на коврах красный цвет всех оттенков, черный, зеленый, голубой, коричневый, белый.

И неспроста так охотно раскупали красивые, практичные ковры «от Ильбековой» из «Паха тёрё» многие, даже отнюдь не самого богатого достатка, семьи. И не прогадали: вот уже несколько десятилетий они по-прежнему как новые. Так что в любое время года и поныне радует глаз рукотворный праздничный фейерверк в квартирах, украшенных такими коврами. Если же на них упадет солнечный луч — тогда вообще хоть зажмуривайся от этой мажорной радуги, сверкающей многоцветьем красок. Вот только жаль, что не купишь теперь чувашские ковры: нет больше в «Паха тёрё» ковроткацкого цеха.

Раиса ТЕРЮКАЛОВА

Свой весомый вклад в приумножение традиций национального ткачества внесла художник Раиса Терюкалова, выпускница Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В. Мухиной. Она, известный живописец со своим «почерком», — также и признанный специалист по «чувашскому» gobelenu, фактически, один из его зacinателей в республике. Собственно, среди наиболее известных мастеров gobelena в Чувашии в последние десятилетия и всего-то было лишь двое профессиональных художников, и оба какое-то время вместе работали в художественной мастерской Чебоксарского хлопчатобумажного комбината. Это Терюкалова и

Анатолий Силов (Александров), создавший такие запоминающиеся работы по чувашской тематике, как гобелен «К звездам», навеянный полетом в космос земляка-героя Андрияна Николаева, «Нарспи» по мотивам поэмы классика национальной поэзии, «Чувашия», ставшая «визитной карточкой» республики к ее «золотому» юбилею.

Гобелен всегда считался одним из самых физически трудных «жанров» декоративно-прикладного искусства, сугубо «мужским» делом. И то, что относительно легче давалось Силову с его поистине богатырским обликом, для художницы становилось порой настоящим подвижничеством, — но помогало передавшееся по наследству от ее крестьянского рода неуемное трудолюбие, сила духа, крепкий внутренний стержень. Стремясь найти «свою» нехоженную тропку, она с головой уходила в творчество, обращаясь, прежде всего, к национальным истокам.

Гобелен — это очень трудоемко, долгие месяцы уходят на его создание: по ниточке приходится «рисовать», а толщина нити постоянно меняется, как и ее цвет, оттенки. Когда начинала она плести свое очередное творение по канонам нелегкого народного ремесла (которое она метко окрестила «рукомесло»), засиживалась в мастерской допоздна, а порой и ночевать здесь оставалась, чтобы с первым лучом солнца — снова за дело. И гобелены Раисы Терюкаловой, навеянные чувашским фольклором, не спутаешь с другими авторами, они завораживают своей торжественностью и праздничной нарядностью, и в то же время своей поэтичностью и особой теплотой. Они чуть-чуть абстрактны, стилизованы, как требует того специфики гобелена, и в тоже время очень земные, узнаваемые.

Особенно хороши ее «Древо жизни», напоминающее взмыvший в небо огненный салют, и лиричные, с ярко выраженным национальным колоритом «Песня», «Чувашия», «Рождение поэмы», «Чувашская легенда». А также — подлинный гимн девичьей красоте и умелым рукам «Не лицом будь пригож, а делом гож», оптимистичные «Цветение», «Красные птицы», сказочная «Берегиня». Когда доведется вам побывать в Чувашском государственном художественном музее, побывайте и в зале, где постоянно экспонируются лучшие из гобеленов Раисы Терюкаловой, — получите хороший заряд положительной энергии.

Федор МАДУРОВ

Среди «деревянных дел мастеров» Чуваши особое место занимает известный скульптор Федор Мадуров: он на протяжении многих лет — неутомимый наставник и начинающих скульпторов-профессионалов, увлеченных резьбой по дереву, и народных умельцев.

В собственном творчестве Мадурова особенно «громко» заявила о себе этнографическая композиция «Время и жизнь», для которой круглосуточно действующим «выставочным залом» вот уже три десятилетия является специально оборудованная им площадка отдыха для водителей транзитных машин на оживленной магистральной автотрассе «Чебоксары-Ульяновск». Волшебный календарь из далекого прошлого ожил здесь с помощью фантазии и послушного резца скульптора в его родных с детства местах — в хвойном бору близ чувашского села Шемурша. И недаром с легкой руки земляков Мадурова эту его композицию называют в Чувашии «Двенадцать месяцев», — хотя деревянных скульптур здесь гораздо больше.

...Величаво застыли у обочины шоссе сказочные исполины, вырезанные из гигантских, отживших свой век сосновых кряжей. Поистине, как в известной народной сказке, собрались вдруг в лесу в новогоднюю ночь сразу все времена года, все двенадцать месяцев, — да так и остались здесь навсегда. Из глубин национального фольклора пришли сюда морозный Кэрлач-январь и студеный Раштав-декабрь, солнечный Су-май и хозяин августовской жатвы Сурла. Февраль в этом необычном лесном календаре представлен сразу двумя деревянными скульптурами: седобородого старца, символизирующего вечные силы природы, и юноши, молодецким посвистом пробуждающего землю от зимнего сна. Март — это прекрасная девушка, протягивающая людям солнце. Символ же Нового года в древнем чувашском календаре — женщина-матерь с ребенком на руках. В общем, у каждого месяца — свой «характер», своя, уходящая в глубь веков, биография на этом необычном вернисаже.

Столь же монументальная скульптурная фольклорная композиция Федора Мадурова из дерева, раскрывающая новую грань обычаем, традиций, характера чувашского народа — «Хоровод» — создавалась им специально для дома отдыха «Ильинский», привольно раскинувшегося в тенистой дубраве на берегу Волги. И неслучайно именно здесь много лет подряд проходили с участием Мадурова летние многодневные «мастер-классы» для народных мастеров резьбы по дереву. Неповторимый «островок истории», посвященный добровольному вхождению чувашского края в Русское государство, появился благодаря Федору Мадурову и в Чебоксарах. Он создал здесь вырезанную из кряжей

дерева колоритную группу конников — послов доброй воли с Волги, которые «государю были челом ото всее Горные стороны», чтобы он включил их в состав России, «полегчил в ясаках» и дал бы жалованную грамоту, «как им вперед быть».

При активном содействии и личном участии Федора Мадурова, усилиями профессиональных скульпторов и народных мастеров республики появился целый этнографический городок и на берегу Волги, в заповедном сосновом бору на территории республиканского бальнеологического санатория «Чувашия». Он густо «заселен» сообща вырезанными из дерева героями чувашского эпоса и древних народных сказок, преданий и легенд. И благодаря «деревянных дел мастерам», собирающимся здесь каждое лето для совместной работы и взаимной учебы, «население» этого этнографического городка с ярко выраженным национальным фольклорным колоритом прибавляется год от года. Весьма будет востребован наработанный здесь опыт и при создании еще более монументального этнографического комплекса, который решено в ближайшее время создать в Чебоксарах.

Адель ЕФЕЙКИНА

Оригинальные поделки из дерева известного в Чувашии художника Адели Ефейкиной «подзаряжают» доброй энергией, радуют многих ее земляков, чьи квартиры они украшают. Это и декоративные панно со сказочной Жар-Птицей, и кухонные наборы в национальном стиле, и резные разделочные доски с чувашским орнаментом, и улыбчивые матрешки-игольницы.

Адель Ефейкина, долгое время преподававшая на художественно-графическом факультете Чувашского пединститута, еще в собственные студенческие годы «заболела» чувашскими матрешками. Началось с подарков друзей, частенько привозивших ей в качестве сувенира матрешек самого разного «возраста» и «профессий» — родом из Горьковской области, Марийской, Мордовской республик. Порой ей просто обидно становилось: почему же их чувашские подружки-матрешечки никак не собираются с ответным визитом? Почему их судьба так напоминает судьбу незаслуженно обделенной вниманием Золушки?

И, твердо решив создать их, — пусть пока на бумаге, она засела за эскизы, стараясь прежде всего самой себе зримо представить будущее «многодетное семейство» чувашских матрешек. Но для этого надо было сначала обрядить их в соответствующие наряды. Внимательнейшим образом начала изучать старинные национальные костюмы в этнографических музеях страны.

Много ценного почерпнула и у Е. И. Ефремовой, непревзойденного знатока орнамента чувашской вышивки. Так постепенно вырисовывался замысел, закладывался фундамент для новой «профессии» дерева, одного из самых традиционных и распространенных материалов в стаинных национальных промыслах Чувашии.

И, наконец, настало время уже и в дереве создать целый эталонный набор матрешек, который художница так и назвала: «Хоровод чувашских девушки». Послушные ее замыслу, закружились в этом певучем хороводе красавицы со всей республики, одна нарядней другой. Девушки из южных районов приоделись в домотканые клетчатые платья с яркой цветной оборкой понизу. Уроженки более северных приволжских деревень — в белые, как яблоневый цвет, кафтаны. У жительниц средней части республики кафтаны, наоборот, темные, зато платочки светлые, и яркие, как солнечный день, передники. Вроде бы, у женщин-чувашек соседнего района точно такие же короткие фартучки, да не такие — с кокетливо закругленным низом, и платья у всех до единой с широкими рукавами, украшенными кружевом. В общем, ни одна из этих матрешек не похожа на другую: у каждой — свой «характер», внешность и костюм, вобравшие в себя все своеобразие местного колорита, конкретных селений.

А вскоре симпатичным подружкам-чувашечкам с Волги довелось побывать далеко-далеко от дома, за морями-океанами: по эталонам Адели Ефейкиной был изготовлен целый набор таких матрешек для Всемирной выставки в Монреале (1967).

С тех пор у этих волжаночек появилось в Чувашии немало младших сестер: их вновь и вновь рождала творческая фантазия самой А. Ефейкиной, их создают сейчас другие художники и народные мастера республики. Чувашские матрешки — теперь уже не Золушки.

Ольга ДУНЯК

«Художник по художественной керамике и стеклу» — такова официально специализация Ольги Дуняк. Она, практически, единственный в Чувашии член Союза художников с такой редкой и по-мужски трудной профессией. А по стеклу, — этому, поистине, «высшему пилотажу» в ремесле, выбранном ею из многогранной палитры жанров изобразительного искусства, и вовсе «моно-полист».

Но, наверно, во многом именно истовое женское трудолюбие и фанатичная преданность Его Величеству Искусству привели ее на заре юности с Волги в знаменитое «мухинское» высшее художественно-промышленное училище в

городе на Неве. А потом на протяжении долгих лет властно влекли за сотни верст от дома в далекий Ростов-на-Дону, где находилась творческая мастерская с особой печью, необходимой ей для работы над стеклом. Где в соавторах у Дуняк были сама природа, дающая безграничный простор для полета фантазии, и волшебник-огонь, с помощью которого обыкновенное стекло можно было резать, мять, как податливую глину, вытягивать в тончайшую нить, придавать любую форму и оттенки цвета. И твори тогда из этого послушного тебе стекла любое чудо чудное, — лишь не упусти нужный миг «между прошлым и будущим», во время возьми в помощники интуицию, помноженную на опыт и высокий профессионализм.

И она сотворила преогромное семейство трепетно-хрупких, поэтичных, завораживающих своей красотой композиций из горного стекла. Многие из них были на национальные темы: «Чувашский праздник», «Чувашская свадьба», «Акатуй», «Чувашский хмель». Рукотворной красотой этих сказочных фантазий из стекла любовались посетители многих республиканских и всероссийских выставок. Здесь же с успехом экспонировались и одноименные керамические работы О. Дуняк, в том числе, изящные декоративные тарелки и панно из керамики, согретые теплотой и поэзией, добрым юмором, и непременно — повышенным вниманием автора к красоте природы родного края. Особенно оригинальными у нее получались всегда выставочные керамические наборы для кваса и пива.

Но рука мастера так же явственно чувствовалась и в «массовых» гончарных изделиях Чебоксарского кирпичного завода, где Ольга Дуняк долгое время работала художником-керамистом экспериментальной лаборатории. Как гласит народная поговорка, «хоть горшком назови, только в печь не ставь», но здешние нарядные кругобокие горшочки, родившиеся «с подачи» художницы, всегда хотелось почаще ставить в духовку, таким вкусным получалось здесь жаркое и рассыпчатой — картофель, аппетитной — золотистая пленка у молока, топленого в этих удобных посудинах. Есть какое-то особое волшебство, внутренняя теплота в комочке глины, которая вдруг превращается в удобную в обиходе, приятную для глаза миску или чашку, недаром испокон веков керамическая посуда ассоциировалась с уютом домашнего очага. И немалая личная заслуга Ольги Дуняк была в том, что удалось заводским гончарам в числе первых в республике возродить древнее ремесло, столь популярное когда-то в Чувашии, и наладить выпуск глиняной посуды.

Очень помогли советы и консультации опытного профессионала, непревзойденного знатока секретов старинного народного промысла, и при станов-

лении цеха по производству керамической посуды в чебоксарской фирме «СУОР». В ту пору на ее рабочем столе лежали горы эскизов «завтрашней» посуды, обгоняли друг друга задумки одна интересней другой. Это и вместительный заварочный чайник в национальном стиле, чайный и кофейный сервизы, кринки, миски, чашки, кувшины, комплекты посуды для молока, пива, кваса, и даже оригинальной формы глянцевый сосуд для фирменного чувашского бальзама, настоянного на местных целебных травах, и другие столь же симпатичные посудины, которые хотелось поскорей залить на собственной кухне.

Много лет преподавала признанный мастер по стеклу и керамике и в Чебоксарском художественном училище. Щедро делилась она на этих мастер-классах своими знаниями с молодыми, еще только начинающими восхождение к вершинам искусства коллегами.

ИСКУССТВОВЕДЫ-ЭТНОГРАФЫ

Но самые большие «мастер-классы» для почитателей народного творчества Чуваши собирали в последние четверть века ученые-этнографы и искусствоведы, создававшие своеобразные антологии народных ремесел и красочные альбомы их лучших образцов.

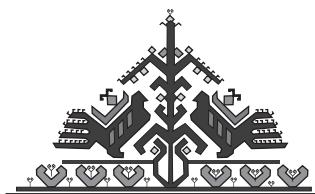
Богатейшая коллекция предметов старины, дошедших до нас из глубины веков, и поделок современных умельцев представлена на страницах красочного сувенирного альбома «Чувашское народное искусство» (Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1981. Составители Э.Меджитова и А.Трофимов, текст А.Трофимова и Н.Ургалкиной. Отпечатан в типографии Будапешта). Альбом знакомит с лучшими произведениями народных мастеров, созданными за три последних столетия. Ведь народное искусство никогда не застывает на одной точке, оно развивается, обогащается из поколения в поколение. И составители альбома, тщательно систематизировав материал, как бы перекинули мостик из прошлого в настоящее. «Чувашское народное искусство» стало первой столь крупной и полной публикацией экспонатов из фондов чувашских музеев. На страницах альбома представлены и все другие виды прикладного искусства, какими исстари славился чувашский край.

Во всем многообразии представлен раздел народного искусства и в богато иллюстрированном этнографическом сборнике «Чуваши. Этническая история и традиционная культура», изданном в 2000 году в Москве (Авторы-составители В.П.Иванов, В.В.Николаев и В.Д.Димитриев).

Подлинной энциклопедией многовекового народного творчества в раз-

ных его гранях стала книга-альбом «Чувашский костюм от древности до современности», изданная в 2002 году. Авторы этого поистине уникального научно-художественного издания на русском, чувашским и английском языках, над которым совместно работали издательства Москвы, Чебоксар, Оренбурга — Василий Николаев, Геннадий Иванов-Орков и Виталий Иванов. Как они подчеркивают в предисловии, это первое и самое полное собрание образцов чувашского национального костюма, начиная с 18 века и до наших дней. Причем, здесь представлены образцы костюмов не только из самой Чувашии, но и многих регионов России, где веками компактно проживает чувашская диаспора.

Национальный костюм — это своего рода символ народа, его визитная карточка, — тем более, что он украшался богатой вышивкой, узорным ткачеством, украшениями из серебряных монет и бисера, нарядными головными уборами и ювелирными украшениями, — здесь всегда с безуказанным вкусом использовались самые разные виды декоративно-прикладного искусства. Потому-то представленная на страницах книги коллекция чувашских народных костюмов стала своеобразным эхом прошлого, зеркалом многовековой истории чувашского народа, его культуры и традиций. Стократ правы авторы: «Народный костюм не умирает. Он живет и развивается, изменяясь своеобразно времени и новым требованиям, связывая прошлое, настоящее и будущее».

4. ГОРОД МАСТЕРОВ

В День рождения республики, 24 июня, улицы и парки столицы Чувашии превращаются в огромную импровизированную сцену под открытым небом: по традиции, здесь уже более десятилетия проводится ежегодный Всероссийский фестиваль народного творчества «Родники Поволжья», собирающий самодеятельные фольклорные коллективы со всех уголков страны и даже зарубежных стран. А недавно, когда фестиваль обрел новый, международный статус и называется «Родники России», его «филиалами» стали также районы сельской «глубинки» республики.

Непередаваемое это зрелище, когда в Чебоксарах начинается шествие участников фестиваля к набережной Волги, где предстоит торжественное открытие праздника: многотысячная сводная колонна с песнями и плясками проходит по главным магистралям города. Самые многолюдные ряды на этом параде народных талантов и костюмов, конечно же, — у посланцев самой Чувашии: ведь к Дню республики приурочен и заключительный концерт республиканского праздника «Акатуй», за право участвовать в котором азартно соревнуются буквально в каждом городе и селении.

Глаз не оторвать от многоцветной самобытности национальных костюмов — визитных карточек представленных на фестивале народов Поволжья, Крайнего Севера и Юга, Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Сахалина, — практически, всех регионов России. Недаром среди зрителей, восторженно принимающих гостей, охотно фотографирующихся с делегациями в самых экзотических одеяниях (например, самодеятельными артистами из Саха-Якутии), непременно увидишь ученых, — не только из самой Чувашии, из Москвы, Санкт-Петербурга, но даже этнографов из США, уже несколько раз приезжавших к нам на Волгу в День республики изучать своеобразие российских национальных костюмов.

Но здесь можно полюбоваться не только богатой палитрой национальных костюмов, но и богатейшей коллекцией национальных украшений и головных уборов, и, конечно же, народных музыкальных инструментов.

Мастерить музыкальные инструменты — дело архисложное, требующее особой виртуозности, недаром такие «штучные» умельцы во все времена и повсюду были буквально наперечет. В чувашском kraю ко второй половине прошлого века таковых специалистов тоже остались единицы. И когда в одном из колхозов Ядринского района, который возглавляет большой энтузиаст возрождения национальных обычаяв и традиций Аркадий Айдак, позарез

потребовались для местных фольклорных ансамблей подлинные национальные чувашские инструменты, — так правление, прослышиав, что в одном из музыкально-этнографических музеев Москвы есть их описание, даже послало туда своих «ходоков». Те тщательно изучили, скопировали имевшиеся там описания, рисунки, чертежи чувашских музыкальных инструментов, — и дома принялись мастерить их своими силами. Ветеран войны и труда Василий Руссов, например, самолично создал целый ансамбль таких инструментов, разукрашенных им национальными орнаментами: гусли-самогуды и барабаны разной величины и звучания, пузыри-волынки, всевозможные жалейки, трещотки, колотушки, бубенчики и свистульки. Пока был жив, помог оснастить национальными инструментами и многие фольклорные ансамбли из других районов республики.

Большим знатоком и мастером чувашских инструментов считается Виктор Чернов, автор ряда книг-научных исследований по народным музыкальным инструментам, участник множества конкурсов народного творчества. Он «оживил» голоса и неповторимые мелодии многих полуза забытых инструментов, заставил заговорить-запеть их в исконно-чувашском ключе. За последние четверть века Виктор Семенович изготовил в традициях своих учителей — народных мастеров — превеликое множество самых разных национальных инструментов: духовых, флейтовых, мундштучных, струнных, смычковых, мембранных, ударных и других. Его лучшие работы хранятся ныне в Музее музыкальных инструментов имени М.И.Глинки в Москве.

В рамках фестиваля «Родники России» в исторической части Чебоксар у набережной Волги уже который год подряд раскидывает свои разноязыкие, многонациональные ряды и «Город мастеров». Где тоже, естественно, самая большая «команда» у хозяев праздника, — умельцев из Чувашии. Вот уж где каждый может показать во всей красе свои творения и умение, — «город»-то рабочий, действующий: здесь можно воочию увидеть суть ремесла, сам процесс рождения рукотворных чудо-вещей. Народные мастера прямо на глазах у зрителей вышивают, ткут, плетут корзинки из ивовых прутьев и кружева, украшают резьбой деревянные доски, создают изящные сувениры-обереги из бересты. А их рабочий стол заставлен готовыми изделиями одно краше другого, — выбирай-покупай любое!

Кстати, подобные «Города мастеров» из Чувашии не раз получали «прописку» и во время традиционных ярмарок в Москве, — наперебой раскупают всегда самобытные изделия чувашских народных мастеров ценители старины из российской столицы. Весьма котируются и выставки их новинок на став-

ших традиционными выставках, - только, например в 2006 году с успехом прошли они в Москве, Казани, Тольятти, Сочи. А в самой Чувашии открыты музей народных промыслов и салон-магазин «Народные промыслы», ставшие, поистине, экспериментальной научной лабораторией для умельцев, где постоянно проводятся мастер-классы для начинающих. Неоценим и вклад в пропаганду этой грани народного искусства республиканского Дома народного творчества, мастерских Художественного фонда, Торгово-промышленной палаты и Бизнес-инкубатора республики.

Особенно активизировалась эта коллективная подвижническая работа с принятием в Чувашии республиканской целевой программы развития и сохранения народных художественных промыслов и ремесел на 2006-2010 годы.

В ее реализацию включились даже самые разные творческие коллектизы-победители конкурсов в рамках республиканского Сетевого марафона культурных событий-2006. Среди них — давний энтузиаст народных промыслов, главный хранитель фондов Художественного музея Новочебоксарска Валентина Ильина, выступившая с оригинальным проектом «Золотая лоза», где сплелись воедино старина и новь, народные традиции лозоплетения и современное искусство. Энтузиасты из Моргаушского района разъезжали по всем районам республики с «фирменной» красочной передвижной выставкой «Родные напевы в мерцании узора», — где демонстрация возрожденных современными мастерами древних вышитых орнаментов свадебных сурпанов верховых чувашей сопровождалась выступлением местного фольклорного ансамбля. Юные питомцы Чебоксарской детской музыкальной школы №4, — единственной пока в республике, где ведется обучение игре на чувашских гуслях-кесле, — подготовили даже целое музыкальное фольклорное представление «Лавка старины», где ожидают звуки полуза забытых старинных чувашских инструментов: струнных, духовых и ударных. А Дворец культуры из Алатыря выступил с оригинальным проектом «Фольклорная кукла, как средство приобщения к народной культуре».

Заметно расширились сейчас в республике ряды энтузиастов народных промыслов, среди которых — люди самого разного возраста. Взять, например, Мариинско-Посадский район, где издревле в чести самые разные промыслы. Это в полной мере доказала и выставка, развернувшаяся в древнем городе на Волге Марпосаде прошлым летом, в день рождения Чувашии: каких только поделок ни выставили местные умельцы. Особенно много зрителей собрала здесь оригинальная коллекция деревянных скульптурных композиций 88-летнего ветерана Великой Отечественной войны Терентия

Дверенина. Дедушка Терентий увлекся созданием своих мини-скульптур из дерева лишь на 85-м году жизни, но их у него уже — целое «многодетное семейство», для которого он сам и одежду шьет-вышивает, и лапти плетет, и крестьянскую «утварь» мастерит. На редкость выразительны эти жанровые сценки сельской жизни, от воспоминаний о временах детства мастера до наших дней!

А другой земляк Т.П.Дверенина из того же Мариинско-Посадского района, школьник из дальнего лесного селения Витя Савельев, стал недавно самым юным членом созданной в республике «взрослой» Гильдии ремесленников Чувашии, — был он в ту пору еще третьеклассником. Талантливый деревенский парнишка не только хорошо рисует, постоянно занимая призовые места на конкурсах детского рисунка, но не по возрасту мастерски владеет и самыми разными жанрами прикладного народного искусства. Юный волжанин, учившийся у отца-умельца, увлеченно занимается росписью и резьбой по дереву, плетением из лозы и соломы, керамикой, аппликацией из ткани сложным способом «прижигания», создал он также богатую коллекцию глиняных свистулек и даже постиг секреты национальной вышивки. Недаром, когда ему едва исполнилось 10 лет, стал Витя Савельев полноправным участником и республиканской выставки народного творчества.

Немало известных имен и в Ассоциации мастеров народных художественных промыслов и ремесел республики, которую возглавляет большой энтузиаст народного творчества Эльвира Иванова. Лучшие из них — более ста человек — удостоены почетного звания «Мастер народных художественных промыслов Чувашской Республики».

Давайте перелистаем страницы рассказывающего о народных умельцах самого первого каталога-справочника, составленного известным ученым-искусствоведом Алексеем Трофимовым.

Больше всего среди народных умельцев — знатоков секретов чувашской национальной вышивки. Так, долгое время работали под началом главного художника фабрики художественной вышивки «Паха тёрё» Екатерины Ефремовой также Татьяна Петрова и Надежда Ильина, которые и поныне хранят и приумножают в своем творчестве ее главные заветы. Ильина, например, стояла у истоков создания современного чувашского костюма. И по сей день в возглавляемой ею фирме «Золотое руно» вышивают современные сценические фольклорные костюмы. Татьяна Петрова — участница более 30 Всероссийских и зарубежных выставок. Нарядная скатерть «Чувашский мотив» и мужская косоворотка ее работы были преподнесены от Чувашии в дар мэру

Москвы Ю. Лужкову, а чувашский национальный халат-шупар подарили самому В. В. Путину во время его визита в Чувашию. Занавеси «Древо жизни», вышитые Татьяной Петровой, украшают интерьеры рабочего кабинета президента ЧР Николая Федорова, несколько ее «парадных» вышивок увидишь также в мэрии Чебоксар. А сценические костюмы, богато украшенные национальными узорами с ее фирменной «маркой», стали визитными карточками лучших фольклорных коллективов не только самой Чувашии, но и Москвы, Тюменской, Самарской, Ульяновской областей.

В республике хорошо известны имена и других искусственных вышивальщиц. Всю жизнь посвятила возрождению и пропаганде чувашской национальной вышивки профессиональный художник Альберта Анцыгина, об этом же — и ее книга, изданная недавно в Чебоксарах. В музеях Болгарии хранятся великолепные вышивки Веры Прохоровой, известного исследователя народного искусства, автора многих статей по этногенезу чuvашей, истории, этнографии, искусствоведению. Уже много десятилетий верна вышивке Феодосия Шулаева — неизменная участница республиканских выставок, на каждую из которых она непременно выставляет что-то новое. Художник-модельер Юлия Репкина создала коллекцию молодежных костюмов с национальной вышивкой. Свой «почерк» у народных мастерниц Алевтины Михайловой, Анастасии Андреевой.

Среди почитателей узорного национального ткачества хорошо известно творчество Нины Ермолаевой, Любови Тихоновой, художника-профессионала Светланы Гайнутдиновой. Своя «изюминка» — в работах Геннадия Степанова, создавшего комплекты национальных костюмов разных групп чuvашей для известного фольклорного ансамбля.

В последнее время все больше народных мастерниц увлекается изготовлением национальных женских головных уборов и нагрудных украшений, а параллельно — и симпатичных сувенирных кукол в чувашских костюмах. Умелая мастерница шитья бисером и монетами — Зинаида Воронова: ее тухья (национальная шапочка у девушки, похожая на шлем) и украшения до мельчайших деталей соответствуют старинным чувашским костюмам. Многие ее работы хранятся в Российском государственном музее этнографии в Санкт-Петербурге, Оренбургском краеведческом музее, Московском театре кукол имени Сергея Образцова и даже в музее Нью-Йоркского университета. В числе «первоходцев» в возрождении в наши дни этого нелегкого ремесла — и Инна Лялина: ювелирной точностью, красотой и изяществом отличаются в ее исполнении тухья, хушпу (женские головные уборы) и наряженные в них кук-

лы-сувениры. Не спутаешь с другими и аналогичные работы Любови Смирновой, Ольги Яковлевой, Светланы и Надежды Васильевых, Валентины Дмитриевой, Людмилы Улигановой, Алевтины Литвиновой, Лидии Константиновой, недавней студентки Олеси Пляшевой.

Что касается ювелирных украшений, которыми в старину славились умельцы из Чувашии, то в возрождении этого ремесла многое сделал народный мастер России Владислав Сухарев, воспитавший около 200 учеников-ювелиров. И сам лично изготовил не одну тухью, немало призов на Всероссийских выставках завоевали его сувенирная кукла-чуващечка «Чёкеç» (Ласточка), оригинальные комплекты украшений по чувашским орнаментам «Нарспи» и «Сарби» (имена девушек-красавиц), «Праздник чувашского хмеля», — украшенные народными узорами с помощью шитья бисером и монетами.

Лишь с самыми элегантными ювелирными украшениями могут сравниваться и празднично-белоснежные ажурные воротники, жилеты, панно кружевницы Эльвиры Ивановой, — признанного мастера народных художественных промыслов Чувашии.

Чувашские мотивы сейчас широко используют в своем творчестве для изготовления украшений и резчики по кости. Весьма оригинальны, например, миниатюрные скульптуры по мотивам чувашского эпоса, выполненные Анатолием Владимировым. А народный мастер Чувашии Любовь Твердохлебова создает удивительной красоты кулоны, браслеты, серьги, кольца и целые комплекты украшений с лакировкой и инкрустацией не только из экзотических для Поволжья костей кашалота, моржа, рога марала, южного горного барана, сайгака и джейрана, но и из бивней водившихся когда-то на территории Чувашии мамонтов, из мореного дуба, затвердевшего как камень на дне Волги.

Чисто «мужское» когда-то ремесло резьбы по дереву теперь все чаще осваивают и женщины: к примеру, Лариса Калашникова мастерски творит резной кухонный инвентарь с чувашскими мотивами. Но пока мало кто в республике сравняется в мастерстве с Николаем Медведевым и Николаем Долговым, не-превзойденными умельцами по изготовлению «штучной» резной мебели из дерева. На счету каждого из них — целые мебельные гарнитуры, богато разукрашенные деревянным кружевом по национальным орнаментам. С ними на равных могут посостязаться разве лишь мастера-лозоплетения Евгений Енцов и Владимир Алексеев. Их умелым рукам по силам изготовить из ивовых прутьев любую нужную в быту вещь: корзины и сундучки, кресла-качалки и стулья, кровати и шкафы, торшеры и абажуры, плетеные рамы для зеркал, детскую мебель, игрушки из лозы.

У других «деревянных дел мастеров» — иная «специализация»: Людмиле Васильевой и Альфии Даниловой лучше всего удаются чувашские матрешки с традиционными узорами народного костюма. Но самое, наверное, «многодетное» в республике семейство таких матрешек сотворил из липы Владимир Шарков. Так, только в одном из его комплектов — до 20 обаятельных матрешечек мал-мала меньше со своим — в зависимости от «возраста» и величины, — характером и нарядом. Узоры на их одежде позаимствованы из чувашской народной вышивки.

Национальные мотивы широко используют и мастера керамики. Непревзойденным авторитетом среди них стала Маргарита Михайлова, воспитавшая не одно поколение учеников. У Светланы Пронюхиной и Луизы Токсиной — это, главным образом, сувениры из глины с узорами старинной чувашской вышивки. У Ирины Федоровой — кружки с национальным орнаментом, декоративные настенные тарелки «Чувашские узоры», подсвечники с элементами чувашского орнамента. У Валерия Шпакова — расписные кухонные горшки и кувшины, кружки, суповые и чайные наборы, вазы напольные: очень органично сочетаются чувашские узоры с их цветом, — голубым, белым, золотисто-желтым. А как хороши оригинальные керамические колокольчики-обереги в виде матрешек у Надежды Сыромятниковой, — столько народу любовалось ими на проходившей в Чебоксарах межрегиональной выставке-2006 рукотворной игрушки!

Все большую популярность обретает в последнее время в Чувашии и такой исконно-народный вид народного искусства, как лоскутная мозаика. Среди его энтузиастов — люди самых разных профессий. В их числе — и народная артистка СССР Вера Кузьмина, участница множества выставок народного творчества. Еще в 20-е — 30-е годы прошлого века, в свои детские годы, проведенные в известном в Чувашии селе Яншихово-Норвashi, из которого вышли многие знаменитости российского масштаба в мире искусства, училась Вера Кузьмина у своей матери, мастерицы на все руки, секретам вышивки и лоскутной мозаики. И такое чудо-чудное творит в минуты отдыха великая актриса из кусочков простого разноцветного ситца, «рисуя» ими по холсту с помощью аппликации! О философско-лирическом замысле этих «картин» говорят даже их поэтические названия: «Голубой квадрат», «Рождение Нового мира», «Мироустройство», «Разбегающиеся красные квадратики», «Половина луны на темном небе».

Поистине, «всем возрастам покорна» увлеченность народным искусством. Недаром большинство из названных выше умельцев-золотые руки непремен-

---

но ведут где-то свои «мастер-классы». Кто — преподает в специализированном профучилище №23 в Чебоксарах, ставшем настоящей «кузницей» знатоков национальных ремесел, — здесь обучают секретам буквально всех «жанров» многогранного народного искусства. Кто с любовью учит их азам ребятишек в Центрах детского творчества городов и селений республики, — и настоящим открытием для посетителей их отчетных выставок становится многоцветная радуга талантливых детских поделок.

Но не случайно, что у многих мастеров народного творчества эта увлеченность и влюбленность в бесценное наследие прошлого, прежде всего, — семейная. Как говорится, от бабушки — к внучке, от отца — к сыну, — вот и живы секреты старинных народных ремесел. И зачастую первыми учениками у самых именитых мастеров становятся именно их дети, а то — и жены-мужья. За примерами далеко ходить не надо.

Возьмем ткачество, его настоящих виртуозов Марию и Владимира Сыровых. А ведь муж, увлекавшийся ткачеством с детства, именно у супруги проходил свои «высшие университеты». Знаток чувашской вышивки Татьяна Шаркова (Изратова), автор посвященной национальным узорам книги «Три солнца», стала первым наставником младшей сестры Галины Изратовой, с детства учила ее вышивать. И, любуясь на красивые орнаменты, созданные Татьяной, ее рукотворных кукол в национальных костюмах и чувашских матрешечек, Галина «вышивала» уже на керамических фигурках из красной глины, воплощая в них свои сельские детские воспоминания: «На току», «В ночном», «Сеятели», «На пашне», «На мельнице», «Праздник Сурхури».

А сын Вячеслава Андреева-Эткера остался верен отцовской увлеченности резьбой по дереву. Но если у отца преобладают старинной формы ковши и братины, скульптура малой формы на фольклорные темы (например, «Мать плодородия Анамаш»), то Алексея пока больше привлекают традиционные хлебницы, подносы. У Николая Балтаева, автора многих самобытных деревянных скульптур на темы чувашского этноса, истории, народных легенд, в учениках были и его жена, и оба сына. Педагог ПУ-23 Людмила Васильева, обучившая древнему ремеслу более 800 человек, и двух сыновей приохотила к своему увлечению: не только сама лично не раз удостаивалась дипломов за участие на всевозможных выставках, но все втроем победили и в конкурсе семейных творческих коллективов «Семья, где творят чудеса». Обе дочери Марины Суворовой теперь наравне с ней мастерят куклы-сувениры в чувашских костюмах. В семье Алексея и Людмилы Лукиановых — «разделение труда»: она предпочитает делать девичьи головные уборы из бисера и монеток,

он — мини-скульптуры, рассказывающие про жизнь и быт чувашского народа в старину, и резную мебель из дерева. У признанного мастера лозоплетения Евгения Туманова, чьи оригинальные наборы мебели из лозы везде и всюду на выставках неизменно завоевывают призовые места, достойными учениками оказались жена и сын.

А дочь Надежды Степановой вместе с матерью с детства «заболела» берестой. Некоторые свои работы Надежда Ивановна создает сейчас и в соавторстве с 17-летней дочерью: с детства участвовала Виктория во многих выставках. А теперь учится в Чебоксарском профучилище №23: отныне для нее народное искусство — будущая профессия.

Поделки из бересты — один из самых древних и распространенных в крестьянских семьях Чувашии народных промыслов. И сама Надежда — тоже «родом из детства», ее первым учителем стал отец, сельский умелец на все руки. Но она сумела найти в этом многогранном, дающем широкий простор для творчества виде народного искусства непроторенную пока другими тропку. Мастерице удалось сказать здесь свое, на редкость выразительное слово: ее берестяная пластика не традиционно-плоская, а объемная, выпуклая, потому и персонажи ее картин из бересты — как живые. Недаром так поражен был президент Ассоциации народных промыслов России Г.Дрожжин, впервые увидев работы Степановой: «Я такой бересты еще не видел. Это — новое направление».

Богата и разнообразна ее берестяная коллекция. Здесь и впечатляющие масштабные картины из истории старых Чебоксар и чебоксарских храмов, поэтические волжские пейзажи, фантазии на темы народных сказок с Василисой Прекрасной, Емелей, с аппетитным чаепитием крестьянской семьи из «Курочки Рябы». Особенно выделяется среди многочисленных и многоплановых работ мастерицы ее «чувашская серия», созданная по мотивам фольклора, произведений классиков национальной литературы, и, прежде всего, поэмы «Нарспи». Привнесенный Надеждой Степановой в традиционные «берестяные секреты» сочный национальный колорит придал особую прелесть ее работам. Вот, например, фигура девушки (в полный рост!) в чувашском «вышитом» национальном костюме из бересты разных оттенков. Вот водят хоровод девушки-подружки — тоже в чувашских костюмах, с национальными узорами «вышивки» и украшениями из той же теплой, богатой цветами и оттенками бересты, — здесь тщательно выверена, этнографически точна каждая деталь одежды, каждый узор «вышивки».

А чебоксарские храмы, красующиеся на берегу Волги в одной из ее исто-

рических работ — аналоге старинной гравюры - это вообще настоящее чудо. Кажется, будто наяву слышишь торжественный звон колоколов всех 15 церквей с ее берестяной гравюры, можешь полюбоваться архитектурой каждого дома, шелестом листвы ближних и дальних деревьев, солнечными бликами на парусах ладьи, скользящей по водной глади великой реки. Несколько месяцев кропотливой работы отдала Надежда Степанова этому панно.

На редкость добрые и душевые у нее работы, — при одном взгляде на них душа поет. Во многом, наверно, сказывается и то, что береста — очень «теплый» материал, особенно послушный мастеру, до глубины познавшему ее сокровенные тайны и, главное, обладающему тонким вкусом.

Символично, что в первой «персональной» выставке-2006 Надежды Степановой в Национальном музее республики на равных со своим педагогом участвовали и ее ученики-соавторы из районного Центра детского творчества «Росток» Чебоксар. Кстати, прямо в музейном зале открыли они свой «город мастеров». Руки девочек так и мелькали, ловко управляясь с послушной им хрупкой берестой. И не скучел туесок с берестяными «солнышками», которые «зажигали» юные мастерицы, — прямо на глазах у зрителей создавали они золотистые обереги и щедро раздаривали их всем — на счастье!

...Душа человека по своей природе всегда жаждет прекрасного, и любой человек с детства стремится к Красоте. В чувашском kraю, начиная с глубокой древности, красота окружала каждого с детства: это и поэтическая вышивка, и «теплый» берестяной туесок, резные палисадник и наличники окон. Общение с этой рукотворной красотой, которую творили безымянные мастера прошлых веков, завораживало, впитывалось и прорастало.

И семена, заложенные в детские души, не терялись, они давали и дают, — по сей день! — все новые и новые всходы, радуя окружающих. А если есть в роду крупицы таланта, то — это уж точно! — они непременно передадутся из поколения в поколение.

